

МИХАИЛ
ШАХНАЗАРОВ

ТОЛЬКО
на
ЛИТРЕС

ИСТОРИЯ
ВСТИЛЕ
FINE

История в стиле fine

Михаил Шахназаров

История в стиле fine

«РИПОЛ Классик»

2023

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Шахназаров М. С.

История в стиле fine / М. С. Шахназаров — «РИПОЛ Классик»,
2023 — (История в стиле fine)

ISBN 978-5-386-15123-2

Сборник рассказов «История в стиле fine» написан автором в соавторстве с доброй ностальгией по годам, которые помнят его бурную молодость. Рожденный в СССР и много лет проживший в Риге, знающий о реалиях 90-х не понаслышке, он мастерски рассказывает о надеждах и разочарованиях, о потерях и взлетах. Эта книга заставит вас и улыбнуться, и засмеяться, и взгрустнуть. Используется нецензурная брань.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-386-15123-2

© Шахназаров М. С., 2023
© РИПОЛ Классик, 2023

Содержание

История в стиле fine	6
Розамунда	21
Мечта пилигрима	26
Мертвые дворники	30
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Михаил Шахназаров

История в стиле fine

© Шахназаров М. С., текст, 2023

© Издание. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2024

История в стиле fine

Саша ходил по Риге и говорил, что уедет в Штаты. Когда напивался, рассказывал об этом даже незнакомым людям. Люди реагировали по-разному. Одни искренне сочувствовали, другие фальшиво радовались. Патриоты избили. С последним ударом раздалось, как гонг: «Вали, жидовская морда!» Концептуальность разила привычным антисемитизмом.

Одна девушка попросила взять с собой. Саша сказал, что Штаты – это, прежде всего, freedom, и туда надо ехать полностью свободным от обязательств. Тем более от обязательств перед женщинами.

Девушка влекла. У нее были добрые глаза и такие же намерения. Она встретила его через пять лет в кафе. Даже не так: в том же кафе. Внимательно посмотрела на Сашино лицо и одежду. Узнала с тревогой и детским недоумением. Подсела за столик, смахнула нефальшивую слезу и спросила:

– Здравствуйте. А я думала, вы давно уехали. Вы, наверное, меня не узнаете? Пять лет назад вы говорили, что уедете в Америку, и не хотели брать меня с собой.

Саша вспомнил, и ему стало грустно. Оказывается, девушка уже три года как эмигрировала в Германию. На ней был модный шелковый костюм, легкие босоножки и славянская радость. На Саше – старый кардиган, щетина и маска еврейской грусти. Она удивлялась, что его задерживают в Риге, и хвалила Мюнхен. Саша пил водку и говорил про обстоятельства. Все было не так. Говорить, что уедешь в Америку – символ призрачного благополучия. Чем дольше говоришь, тем быстрее чувствуешь себя хоть немного счастливым. Статус беженца приравнивался к ореолу мученика. Да воздастся тем, кто страдал!

Алекс страдал. За эти пять лет он попал в аварию, подхватил гонорею и сменил три места работы. Имя он тоже заблаговременно сменил. Но не в паспорте: просил, чтобы все его звали Алексом. Один раз я заметил, что Македонский был Александром, но не просил делать обрезание имени. Саша ответил:

– Папа Македонского был Филиппом Вторым, маму звали Олимпиада, с детства его воспитывал Аристотель. Моего отца зовут Герц, маму – Роза, воспитывали меня в обычной советской школе. Я слишком мал для того, чтобы зваться Александром...

После встречи Алекса с девушкой прошло еще три года. Вся Рига спрашивала, почему Саша не уехал. Спрашивали даже незнакомые люди. Кого-то он избил – за любопытство и прозвучавшую в голосе иронию. Усомниться в страданиях – значит оскорбить. И Саша уехал. Оскорбленным, а значит, готовым доказать. Вещизму он не поклонялся. Багаж был в основном духовным. Книги, пара антикварных канделябров покойной бабули, три ее же кольца и брошь... Подставки для свечей отобрали на таможне, кольца с брошью – тоже без церемоний. Еще и пожурили, мол, нехорошо, товарищ, народное добро вывозить. Он попытался возмутиться, сказал, что это бабушкино. Ему ответили по-еврейски: «А бабушка что, бабушка не народ?» Саша ответил, что бабушка покойница, но дальше спорить не стал.

Из Америки Саша обещал писать. Договорились, что хотя бы полуправду. Хорошо устроившиеся эмигранты не пишут вообще. Максимум раз в квартал. У них на это просто нет времени. Они вкалывают. Те, кто живет в районе с африканоидами, отгружают письма мешками. Типичный пример – письмо друзьям:

«Здравствуйте, родные! Вы не представляете, как мы прекрасно устроились. У нас все fine. Нам дали собственный дом с green газонem, хорошую машину, и, главное, мы свободны...»

Дом – это лачуга, в которой было бы стыдно жить даже дяде Тому. Газон – green, но пластмассовый. Босиком лучше не ходить, порежешься. За машиной с озверевшими лицами

давно гоняются утилизаторы. Про свободу они не врут. Безработные в Штатах безгранично свободны. А слово «дали» в Америке применимо только к церкви и нищим. Все остальное – за деньги.

«...Жору обещали взять на работу по специальности, то есть врачом. Я housewife, то есть домохозяйка. Здесь это модно. Сенечка ходит в очень хорошую школу, а мама получает большую пенсию».

Жору возьмут на работу только после того, как он сдаст экзамен. Чтобы сдать экзамен, нужно выучиться на врача заново. Это лет семь. Семь лет Жора будет учиться, потом еще столько же искать место. Далее – пенсия. Хаусвайф для семьи эмигрантов непозволительная роскошь, лишний рот. Лишние рты в Штатах не в моде. Лишний рот – это как тяжелораненый на линии фронта.

Сеня ходит в школу, где на входе стоит металлоискатель и дежурит коп. Справа от Сени за партой грустит мальчик, которого нельзя различить в ночи. Слева – девочка лимонного цвета с глазенками не шире английской булавки. Мама, то есть бабушка Сени, готовится к парализации и получает шестьсот баксов, на которые живет вся семья. Паралич – как финал ячейки. Ну, еще пособия.

«...Вы просто обязаны поскорее оформить документы. Здесь реальная сказка. Медлить ни в коем случае нельзя. Вы будете нам всю жизнь благодарны. Нам без вас плохо. Наши вам kiss and love».

Вот, пожалуйста: обязаны! Океан разделяет, а все равно обязаны. Про сказки вообще бред. Сказки не воплощаются в жизни. Вернее, воплощаются, но только плохие. «Медлить нельзя» – по Ильичу. Промедление смерти подобно. Кажется, у него было так... Жаль, его послушали. Нужно было чуточку подождать.

И вот она истина: им плохо! Не «без вас плохо», а просто хреново! Оказаться в дерьме в одиночку – всегда тяжело. Выбираться не получается, значит, нужно кого-то затащить. Если компания – весело бывает даже в трясине. Обычно под «kiss and love» – сердечко – признак начала деградации и синтетического вкуса.

В конверте – фотографии. Вся семья улыбается на фоне чужого «крайслера». Сидит за пустым столом в дорогом ресторане. Позирует на фоне входа в дорогой кинотеатр с афишей больного стенокардией Шварценеггера. Если купят билеты в кино, семья будет неделю жить впроголодь...

Писать по-другому они не имеют права. В американском языке есть слово loser. Им обозначают неудачников. Кажется, его даже не нужно переводить на русский. Луза. Попасть. В бильярде это очко, в Штатах – проигрыш. В Штатах нельзя говорить, что ты «лузер». По тебе начнут ходить. Даже не так: через тебя начнут переступать. Переступают через лужи, небольшие препятствия и мертвецов. Если по тебе ходят – не все потеряно: тебя замечают, есть шанс озлобиться, подняться и дать сдачи.

Те, кто пишут такие письма, хорошо усвоили одно: всегда надо говорить «fine». Врать даже в письмах друзьям. Я просил Сашу не писать мне таких писем. Я не верю в истории в стиле fine...

Первую эпистолау я выудил из ящика месяцев через пять.

Привет, Мишка! Видишь как. В Риге называл тебя Майклом, а отсюда пишу – Мишка. Я уже ненавижу эту страну, эти целлюлоидные рожи и этот гребаный повсеместный fine! Очень много театра. Не город, а самодетельные подмошки. Здесь у всех надо спрашивать: «Как дела?» А мне по хер, как у них дела. Но спрашивать надо. Здесь это первая норма приличия, символ хорошего воспитания. Не спросишь «как дела», они

не обидятся, но затаят. И все отвечают: fine! Даже онкологические и спидоносцы. Видел двоих – не то печень отваливается, не то мозги. По-моему, когда они подходят к гробу на похоронах, то не прощаются, а, наклонившись, спрашивают: «How are you?» И мне кажется, что покойник шепчет: «Fine».

Нет, я никого еще не похоронил. Некого. Просто часто бываю на местном кладбище. Это самое спокойное местечко в городе. Стилль выдержан. Прямоугольные кусты, незамусоренные дорожки, арабов с латиносами нет. Здесь тоже шоу – тихое и не яркое. Но похороны лишены индивидуальности. Вот возьми наши гробы: красные, черные, белые, с рюшечками, даже с фольгой, у некоторых из-за брака не закрывается крышка, они дивно скрипят, веночки – хоть на дверь в Рождество вешай! Я понимаю, что убожество. Но глаз не замыливает. Увидишь – и хочется жить, отдавая зачастую фальшивые почести ушедшему... Здесь – сплошное лакированное дерево. Дерево хоронят в дереве. О надгробьях не говорю. Могильный инкубатор. Гранит и фамилии. На пять квадратных метров – по шесть одинаковых фамилий. Как выглядел покойник – знают только близкие, фотки не в моде... У наших плакальщиц голоса, не уступающие Зыкиной. Здесь плачут тихо, не навзрыд. Здесь плачут в жилетку. И не только евреи... Не подумай, что я собрался умирать. Просто, благодаря таким экскурсиям, отвлекаюсь от суеты.

Очень рад, что не поленился выучить язык в Риге. Помогает в плане работы. Постоянной пока нет, но, я думаю, все образцется.

Если Гоша снова будет ностальгировать по шпротам и бальзаму – не высылай. Здесь все это есть, проверено раввинами, и цены вполне приемлемы. Он просто неприлично экономит.

Как дела с твоим отъездом? Вы уже были на собеседовании? Обязательно напиши.

Высылаю тебе фото. Оно мне нравится больше других. Парня, что рядом со мной, не знаю. В этом районе, бывает, постреливают. Так что, возможно, это его последняя фотография. Если да, то царствие ему небесное... Обнимаю. Алекс.

На фотографии Саша стоял в обнимку с улыбающимся темнокожим. Позади трущобы просили ремонта. Сашка не сломался. Наоборот. Он вернулся там к жизни. В нем снова проснулось чувство черно-оптимистичного юмора. Восемь лет, что он говорил об отъезде, не прошли даром...

Мне пришел вызов из американского посольства. Вернее, не мне, а родителям, сестре и бабушке. Радости было – как на Новый год. Открыли шампанское, целовались. Нужно было ехать в Москву на собеседование.

Первым отправился я. Три дня пил и шлялся по клубам. Московские родственники сказали, что если Америка и погибнет, то благодаря таким, как я. На четвертый день к пяти утра был у дверей посольства. Родители подъехали в девять, сразу с поезда. Сказали, что с такой физиономией лучше проходить собеседования у врача-нарколога. Еще сказали, что я уменьшаю их шансы. На что – я уточнять не стал.

Морской пехотинец за стеклом сказал: «Пачпорт». На мозаике из герба США стоял огромный темный парень в черном костюме. Где кончается кожа и начинается костюм – указывали манжеты и воротник рубашки. Стоял – как последнее предупреждение: «Смотрите, нас там таких много, может, передумаете?»

Мы прошли в большую комнату, уставленную рядами кресел. Зал ожидания перед отправкой в другую жизнь. Очередь двигалась медленно и трагично. Как в Мавзолей. Только

здесь можно было сидеть... Я быстро заснул. Над залом повисли ноты моего храпа. Мама резко толкнула в бок и сделала замечание. Рядом сидела пожилая еврейская чета. Мама сказала, что, когда я заснул, наш сосед на выдохе произнес:

– Счастливый человек. Это же надо иметь такие канатные нервы...

Собеседование вели двое. Чересчур любезничали. Задавали провокационные вопросы:

– Чем вам не нравится в Советском Союзе?..

– Вы были в Арзамасе-16?..

– Почему вы выбрали для эмиграции именно Америку?..

– Вы голодаете?..

– Испытывали ли вы притеснения со стороны режима?..

– Вам есть что носить?..

Я почувствовал себя обнаженным. Когда мы отвечали, они довольно улыбались и переглядывались. Для них все ответы были комплиментами системе, которая их воспитала. Ежедневно эти двое выслушивали здравницы во славу США. Их не смущало, что от неудачников. Они, как и система, болели манией величия.

Бабушку спросили:

– У вас же есть в Риге сын. Кем он работает?

Бабушка обрадовалась, что ее заметили, и похоронила наши надежды. С энтузиазмом и гордостью выпалила:

– Да! Конечно, есть! Он занимает большой пост. Он старший регистр пароходства!

Вместо «беженцев» мы получили «эмигрантов». Но это выяснилось к вечеру. Янки знали, что, имея сына на такой должности, можно жить даже в Северной Корее или Анголе. И никуда не надо бежать. Нужно было сказать, что мы были в Арзамасе-16. И обязательно добавить, что проездом через Челябинск-3 или другой секретный городок.

Вечером я получал листок с вердиктом. Рядом стоял пожилой еврей, утром возмущавшийся моим спокойствием.

– Что дали? – поинтересовался он. Как будто речь шла о сроке или индульгенции.

– «Эмигрантов».

– А нам – «беженцев».

– Желаю успешно добежать.

– У них везде камеры. Вам дали «эмигрантов», потому что вы спали.

– Нет, потому что мы армяне.

– Перестаньте. Вы еще хуже евреев.

– В смысле?

– Такие же. Но только хуже.

– Спасибо.

– Не за что... Ладно, не обижайтесь. Поверьте мне: здесь тоже можно чудно устроиться. Другие времена. Вы молоды. Желаю вам успеха!

– Хорошей вам пенсии через вэлфер... И на меня не сердитесь. Пока все колена отыщем, может, и родственниками окажемся.

Мой собеседник по-доброму улыбнулся.

По его логике, Америка собирала со всего мира все, что хуже. И это «хуже» быстро сливалось с тем, что лучше. Скорее, он был прав. У него за плечами жизнь, у меня – какие-то жалкие обрывки...

В поезде я напился. Взялся за письмо Сашке. Стол дрожал, рука подпрыгивала, мысли предательски вибрировали. За окном неотремонтированными памятниками стояли избы с черными трубами. Собаки без хвостов, ошейников и породы лаяли на вагоны. У мутной лужи играл с консервной банкой забавный мальчуган. Я подумал, что пройдет десять лет, а эта кар-

тинка не изменится. Хотя почему десять? Такой она, судя по описаниям классиков, была и в начале века.

На листок пролилась кока-кола вперемешку с пьяными слезами. Я заснул. Теперь мой храп никому на нервы не действовал...

В Риге все спрашивали: «Ну как?..» Я отвечал, что, может, уеду, но нужно думать. Звучало нагло и лицемерно. В то время в Америке нуждался я. Причем очень сильно. О том, что Америка не нуждалась во мне, говорил статус эмигранта и безработного. Но я все равно говорил: «Может, уеду».

Дома я написал Сашке.

Привет, Алекс! «Беженцев» мы не получили. На собеседовании бабушка впала в детство и начала хвастаться успехами своего сына, то есть моего дяди Миши. Штатники его пост оценили.

Папа сказал, что на все воля Божья, и он не зря видел во сне Колизей. Он трактует сны по-своему. Колизей разрушен. Мне кажется, должна была присниться Эйфелева башня. На следующий день он сказал, что даже рад. А сейчас вообще говорит, что это была идиотская затея, и жить нужно там, где родился. Он крепкий оптимист. Каждый день проезжает мимо зоны, в которой провел восемь лет. Иногда даже проходит. И проезжает, и проходит спокойно. Он о ней думает как о закономерном этапе своей жизни. Я бы объезжал стороной и обходил за десять километров.

Вика маленькая и в статусах понимает меньше, чем в куклах. Но до нее дошло, что Диснейленд накрылся. Она так и сказала: «Накрылся». Бабушка плачет и говорит, что они сволочи. Плачет она всегда. Так что «сволочи» это всего лишь старческий импровиз. Папа в эти моменты на нее долго смотрит и что-то в себе давит. Расстроена только мама. Да и то, по-моему, из-за того, что не смогла воссоединиться с подругами.

Я немного пью и тоже где-то радуюсь, что не уехал. У вас там не разопьешься. Видел Игоря Бугрова. Он с ухмылкой спросил про тебя: «Ну, как там этот вечный странник? Сколько метелок об асфальт стер?» Я ответил, что ты встречаешься с дочкой богатого человека («миллионер» звучит выпендренно и лживо), и у вас скоро свадьба. Он ушел так стремительно, что я не успел сказать ему «до свидания».

На дне рождения у Дианы все тебя вспоминали так, будто ты умер. Говорили только хорошее и много. Я напился и эти безобразия пресек. Проснулся почему-то рядом с Дианой. Никогда не думал, что она способна обратить на меня такое пристальное внимание. А Диана сказала, что видит во мне тонкую организацию души. Я взял и опорожнил при ней бокал водки. На нее это не подействовало. Сказала: «Глупенький» – и снова притянула к себе.

У Семенова родилась многокилограммовая короткая дочка. В Ирину. Назвали – Бернарда. Думали, судя по всему, не головой. Бернарда Семенова – звучит как Евдокия Стивенсон. Но здесь детей собачьими именами называть стало модно. «Бернарда» подошло бы мастино неаполитано или сучке бордосского дога.

Ну, вот такие дела. Обнимаю. Мишка.

Интерес к моему отъезду постепенно начал сходить на «нет». Некоторые выражали его достаточно своеобразно. Спрашивали:

– Ты еще здесь? – как будто я обхамил весь город и должен непременно уехать, предварительно извинившись.

На вечеринках ко мне относились как к полутени. Могли даже не предложить выпить. Чего добро переводить?.. Серьезные девушки не отказывались со мной спать, но отказывались встречаться. Говорили:

– Все равно уедешь...

Несерьезные готовы были встречаться, но отказывали в близости. Говорили:

– Вот поженимся, уедем в Штаты, а там...

А там бы они быстро перешли на другую сторону улицы. Даже на красный сигнал светофора.

Я проворачивал какие-то аферы. Что-то с антиквариатом, что-то с анодированным золотом. Мне замечали, что в Штатах это не пройдет. Я соглашался. Там нужен размах. Например, комод восемнадцатого века, набитый кокаином. Или сундук времен Ивана Грозного с автоматами Калашникова. Да, там нужен размах... Но сроки там тоже поразмашистее. То, что здесь условно, там пожизненно. Или наоборот. Здесь ты, родившись, счастлив пожизненно, там – в большинстве случаев условно. Другая шкала ценностей. Достоевский – комиксы. Васса Железнова – Бэтмен. Здесь Цельсий, там Фаренгейт. Там мили, здесь километры. Знакомый купил приличный «шевроле». Через два дня рванул в Юрмалу. У него отобрали права. Начали тормозить, когда на спидометре было девяносто. Он возмущался, тыкал в знак «сто», орал, что у него было девяносто. А менты и не возражали: на спидометре «шевроле» были мили, девяносто миль – это сто сорок километров в час.

Русский человек не только любит быструю езду. Он ее не замечает. Не замечает, что символ красоты требует к себе пристального внимания. Знакомый говорил:

– Вот я олух, а! Но ты представь, как они там в Штатах ездят.

– Я слышал, что больше в пробках стоят.

– Так зачем тогда на спидометре столько миль?

– Придает уверенности...

Сашка прислал еще одно письмо.

Мишка, привет! Не расстраивайся по поводу статуса. Я тебе объясню, что это такое. Вам просто нужно отыскать спонсора. То есть человека или организацию, которая готова первое время оплачивать здесь ваше пребывание. Языковые курсы, пособие, страховку, ну и так далее. Я, допустим, как ты понимаешь, на такой шаг идти просто не имею права. По законодательству. Меня самого нужно спонсировать. То есть лучше ищите организацию. Какой-нибудь благотворительный фонд или фирму. Армян здесь больше, чем в Москве, так что, думаю, не проблема. Правда, они загадочны и своеобразны. Подкатывают на новых «мерсах» к офису, где выдают пособия. Машину оставляют за углом. Снимают с себя «голдович», дорогие часы, в глаза напускают грусти. Получают шестьсот баксов, снова навешивают цацки, забирают из-за угла «мерс» и едут кутить в ресторан.

Я попытаюсь чем-нибудь помочь. Нашел постоянное место. Работаю грузчиком в мебельном. Экономлю на тренажерном зале. Хозяин говорит, что, если я себя проявлю, может идти речь о карьерном росте. Хотя я не знаю, как может проявить себя грузчик, и до чего может грузчик вырасти в плане карьеры. Наверное, главное – ничего не уронить. Но если несу кресло, то делаю это с достоинством. Не нагибаюсь. Если банкетку – делаю вид, что жонглирую. Но шкафы гнетут.

На кладбище больше не появляюсь. Подвалил смотритель, начал интересоваться, что я так часто околачиваюсь у чужих могил. Я сказал, что все люди – братья и даже родственники. Но понял, что лучшие экскурсии прекратить. Еще заподозрят в некрофилии. Такая вот свобода... В синагоге

был забавный случай. Какой-то мудака сказал: «Сюда сейчас ходит много русских. Из-за помощи. А вы, случайно, не из них?» Я ответил, что к следующей нашей встрече пересажу член на лоб, чтобы не вызывало сомнений.

Постепенно привыкаю. Когда ты пишешь, что немного пьешь, я завидую. Знаем мы твое «немного». Прекращай! Здесь – максимум пиво.

Семенова поздравь. Но злой ты, Мишка, жуть! Детей-то хоть не трогал бы.

Ну, по поводу спонсоров ты понял. Жму лапу. Обнимаю. Алекс.

Конечно же, спонсора можно найти. С приходом времен неандертальского капитализма этим успешно занялись девушки в возрасте от четырнадцати до тридцати пяти лет. Но их спонсировали физические лица. Мне нужна организация. У девушек были влагища, у меня – немного мозгов. Что в наше время ценнее – я так и не понял.

Армянские организации помогать не спешили. В ответах писали, что стыдно не знать родной язык. Писали почему-то на английском. Ну не объяснять же им было, что во мне кровей больше, чем в моей нации вредности. Я знал только армянский мат. И коротко отвечал им по-армянски в английской транскрипции.

Для того чтобы найти физическое лицо, готовое за меня поручиться, нужно было стать либо программистом, либо педерастом. И то, и другое для меня было невыполнимо. Роботы безжизненны, гомосеки отвратительны. Я хотел написать Азнавуру, Джигарханяну или Шер. Но потом вспомнил, что у меня нет ни голоса, ни слуха, а Джигарханян живет в Москве.

Вместо них я написал Сашке.

Привет, Алекс! Я в безуспешном поиске спонсора. Армянские организации требуют знания языка. Хотя я не представляю, зачем в Америке армянский? Наверное, чтобы сносно лаяться с представителями диаспоры. Но я не унываю. Я никогда не унываю, когда у меня есть деньги. Пока есть.

Здесь полным ходом идет переоценка ценностей. Аборигены проснулись. Затевают революцию. Говорят, что будет песенной. Я это представляю так: их хоровое пение на русского человека действует, как дудка факира на кобру. Говорят, факир своим дудением может змею усыпить. Варианта два. В один прекрасный день все латыши с утра начинают петь одним большим хором. Поют даже мертвецы и неродившиеся младенцы. Мы засыпаем, они нас грузят в вагоны, и мы просыпаемся в России. Для них желательно, чтобы конечным пунктом была Сибирь. Око за око. Они этого не скрывают. Есть вариант второй, но для него нужно много свободной земли или мощные крематории. Тогда они поют до тех пор, пока мы все не передохнем. Но есть выход. Мы затягиваем: «Вставай, страна огромная...» И встаем. Хотя вряд ли. Большинство русских говорят, что латыши правы. В основном те, кому коммуны насрали в душу. Я колеблющийся.

Недавно видел латышскую газетенку. Большая статья и две фотографии. На одной – Сталин, на другой – портрет графа Дракулы. Автор доказывает, что Сталин был прямым потомком трансильванского вампира. У обоих были усы, неширокие глаза и оба любили вино – это его постулаты. Я тебе клянусь, не выдумка! В смысле, статья такая вышла. Так что Брем Стокер даже не подозревал, о ком пишет... Мотани в Голливуд, расскажи о латвийской версии. Можешь подкинуть мою: Ленин был потомком Калигулы – тот тоже был лысый, жестокий и с небольшими глазами. Если написать, что Ильич трахал лошадей, то они на сто процентов родственники.

Три дня назад получил прикладом Калашникова по хребту. В Америке это невозможно. Там если и врежут, то М-16, но у М-16 приклад пластмассовый... И это в мирное время! И не на «губе», не в ментовском воронке, а в ресторане. Ворвались омоновцы. Всех, кто за столами, мордой в салаты. Я курил у стены, наблюдал за танцующими. Отстраненно спросил: что, собственно, происходит?.. Пихнули москвой в бра... Половина отряда – латыши. Продолжают дело «стрелков». Только в квартиры не врываются.

Видел Стасика. Он теперь сутенер. Предлагал обслуживание со скидкой. Я увидел его работниц и сказал, что лучше скинусь с Вантового моста. А что, подходит: «сутенер Стасик». Да и женщин он всегда ненавидел. Такие вот дела. Обнимаю. Мишка.

Я начал встречаться с девушкой. Ее звали Санта. Мама, увидев ее первый раз, сказала, что такой красавицы не встречала даже среди топ-моделей. Для моей мамы – поступок. Иногда поступком бывает и фраза... После третьей встречи она в Санте разочаровалась. Сказала, что девушка тщательно скрывает душевный недуг. Я не послушал. Мама оказалась права, но это совсем другая история. Целая, можно сказать, драма.

Мне позвонил Игорь Ройтман:

– Старик... Набрал твой номер, а потом вспомнил, что ты уезжаешь...

– На то, чтобы выпить или походить по шлюхам, времени немного осталось. И брось эти еврейские штучки.

– Да не-е. Выпить-то выпьем, девки тоже не убегут. Я хотел тебе кое-что предложить по работе.

– Тогда времени – просто состав и три прицепных вагона. Работать надо!..

Мы начали трудиться. Занимались спиртом. Покупали в России цистернами, продавали в Латвии бочками, ментам бесплатно отгружали канистрами. Разумеется, все было нелегально. Но бочки уходили загадочно стремительно. В процентном соотношении прибыль далеко зашкаливала за спиртовые градусы. Продукт немного разбавляли. Если бы Игорь был русским, а не евреем, может, ограничились бы только продажей. Игорь то же самое думал про меня. Если бы я не был армянином... Ну какая, впрочем, разница?.. В бизнесе нет национальностей. Игорь делил бизнесменов на подвиды: сволочи, подонки, конченные подонки и банкиры. Времена фарцовки мы вспоминали с ностальгией. Тогда работали «аляска» к «аляске». Враг был один – ОБХСС. В бизнесе врагов – полчища. Тем более в левом. Конкуренты, братва, менты, посредники, возмущенные массы и женщины.

Мой приятель занимался контрабандой. Купал в роскоши жену и детей. Она от радости наставила ему рога. Была машина, шубы, бриллианты. Не было запасного члена. Он подал на развод. Эта сука пошла в ментовку и сдала все его махинации. Три месяца он отсидел под следствием. Откупился всем нажитым. Потерял десять килограммов и веру в женскую верность. Пришлось начинать все сначала. Сказал, что все наладилось, но остался один вопрос – дети, так бы непременно нанял киллера. Детей он не видел. Говорил, что дрянь может воспитать только себе подобных. Я в этом был с ним солидарен.

Сашка продолжал писать.

Привет, Мишка! Я начинаю понимать, что такое американский образ жизни. Они – коллективные индивидуалисты. Вроде все вместе, и в то же время каждый по отдельности. Такое впечатление, что мужья с женами тоже живут отдельно. Каждый в своей капсуле. Поэтому у них в домах столько спален. Всё делают и живут строго по расписанию. Помнишь, нам родители говорили: «Вот в Америке правильно. Исполнилось восемнадцать лет, и начинай свою жизнь. Под зад коленом, и вали». Ерунда. Если бы можно

было, они бы детей оставляли в роддоме. Для них есть функция – родить. И есть обязанность воспитать. Не исполнишь обязанность – посадят. И они воспитывают роботов. Поэтому дети живут с ними до восемнадцати. Дауны и олигофрены – несколько дольше.

Еще я понял, что здесь нельзя высовываться. Выпрыгивать можно, а высовываться нельзя. Если ты выпрыгнул успешно – можешь достать до вершины, и тебя уважают. Если грохнешься – сделают вид, что не обратили внимания. Ты ведь попытался. Попытка – это уже шаг. Могут подать руку (что здесь небывалая редкость). А вот если начнешь высовываться – могут не понять. У них нет половинчатого образа. Полутон – только в кофе с молоком. Остальное четко и не расплывчато.

Их максимализм – в очертаниях и высоте небоскребов; минимализм – в убожестве души. Все неодушевленное у них огромных размеров. Взять те же улыбки. Но если бы они умели рожать лялек величиной с Кинг-Конга, мир бы давно был заселен гигантами. И главное для них – антураж.

Со мной работает Стив. Он здесь родился. Я его спросил:

«Ну, ты сходил вчера в кино с Джун? Как фильм?»

Знаешь, что он ответил?

«Алекс, они поставили новый потрясающий экран, усовершенствовали Dolby Surround. Просто класс! Был такой драйв, что я сожрал целое ведро поп-корна!» – о кино ни слова.

Конечно, они не все такие. Но большинство. Гоша развелся с Наташей. Американско-еврейская трагедия. Она действительно нашла богатого штатника и не устояла перед соблазном. Мне Гошу жалко. Ты бы его просто не узнал. Он съезжился, стал молчаливым, погряз в комплексах. Он ее до сих пор любит и проклинает отъезд. Рога, которые она ставила ему еще в Риге, он списывает на ошибки молодости...

Хозяин мною доволен. Говорит, что обязательно поможет в дальнейшем. Он итальянец. Крикливый, шепотливый, но не обделенный духовностью. С ним можно поговорить о литературе. Он много спрашивает о Союзе. Узнал, что я болею хоккеем, подарил два билета, сказал: это бонус за хорошую работу. Не знаю, с кем пойти. С Гошей – бессмысленно. Ему даже хоккей теперь не в радость. Знаю, что увидеть NHL это твоя мечта. Жаль, тебя нет рядом. Тогда у меня бы не было сомнений, кому отдать этот билет.

О впечатлениях расскажу. Жму лапу. Обнимаю. Алекс.

Я начал свыкаться с мыслью, что никуда не уеду. В конце концов, это зависело не от меня. От Бога, от мифического спонсора, от звезд. А потом у меня уже были деньги для того, чтобы проспонсировать отъезд самому. В очередной раз подивился рижской микроскопичности. Встретил старого знакомого. Раньше видел его чуть ли не каждую неделю. Потом мы стали ходить параллельными улицами. При встрече обнялись.

– Ты уже вернулся, Майкл?

– Так я и не уезжал.

– Да ладно! А мне сказали, что ты в Лос-Анджелесе, женился на красивой армянке, весь в бизнесе.

– Это история про Ван Дамма. Тебя обманули.

– А когда собираешься?

– Никогда.

Правда иногда односложна. Длинный правдивый ответ может быть только в кабинете следователя. В повседневной жизни истина не любит, когда ее растягивают. Она, в отличие от лжи, пунктуальна. Правда – свершившийся факт, ложь на факты опирается выборочно. Заниматься спиртом стало опасно. Стреляли с двух сторон. С одной – очередями стрекотала «братва», могли пальнуть из базуки. С другой – одиночными постреливали менты. В середине были спиртовики. Да и не только... Я знал одного хорошего кондитера. Царствие ему небесное. В его животе нашли больше пуль, чем изюминок в кексах, которые выпекала его контора.

Заказные убийства регистрировались чаще, чем автоугоны. В моду вошли тротилловые фейерверки. Одного бизнесмена пытались убить четыре раза. В него стреляли, его взрывали, пытались отравить и резали. Но он проявлял чудеса выдержки и жадности. За это ему дали кличку Робожлоб, по аналогии с Робокотом. В реанимации его встречали как постоянного клиента. Удивительно, что не спрашивали, как в ресторане: «Ну, что будем сегодня делать? Сердечко, печень, желудочек?..» Ливер укладывали на место, зашивали. Живот напоминал лоскут для тренировки швей. Носилки провожали добрыми улыбками и аплодисментами. Медбратья устраивали тотализатор: выживет – не выживет... Пятое покушение стало роковым. После взрыва тело напоминало мозаику Puzzle. Решили не собирать и сразу кремировали. О похоронах написали так, как не писали о погребениях генсеков. Некрологи были размером со средний рекламный блок. Город накрывали адреналиновые дожди. Мне это нравилось. Я написал Сашке.

Привет, Алекс! Похоже, я никуда не поеду. Иногда мне грустно. В детстве я мечтал попасть в Диснейленд, но катался на чешских каруселях в Луна-парке. В отрочестве хотел увидеть Голливуд, но попал на пятачок Рижской киностудии. В юности думал посмотреть на матчи NHL, но до сих пор хожу на «Динамо» (Рига) и играю на первенство Латвии. А что я еще забыл в Америке, Сашка? Я хотел там жить, а теперь мне придется вживаться. Я не умею вживаться. Я же не кардиостимулятор.

Родители уже точно знают, что затея со Штатами – в прошлом. Но надеются на мой отъезд. Вот говорят: надо верить. Я считаю, что все же надо уметь предугадывать. Хотя бы стараться. Я верил, что мы получим «беженцев». Финал известен: лаж. Получение статуса – потеря...

Там была красивая пара: Тимур и Лана. Полукровки. Он – наполовину азербайджанец, наполовину русский. У нее – отец армянин, мать украинка. Интеллигентные, славные ребята. Бежали из Баку после погромов. В Москве ютятся по знакомым. Им тоже дали «эмигрантов». Для них это трагедия. Я видел, как Лана плакала и говорила, что они никому не нужны. А он ее успокаивал. Хотя сам еле сдерживался. Этот статус был им НЕОБХОДИМ.

*А мне? Я пытался убежать от самого себя. От своего разгильдяйства, пьянства, б***ства. Семья ладно. Но все равно мы не заслуживали этого статуса. У нас – дом, работа, друзья. А у них – ничего. У них знакомые, которые их терпят, и случайные заработки. Богаты только любовью. Хотя это, наверное, самое большое богатство. В общем, не знаю. Но все, что ни делается...*

В Риге бурлит криминальная жизнь. Другой за ней просто не видно. Я не знаю, как было в тридцатых на улицах Чикаго, но, думаю, поспокойнее. Термин «враждующие группировки» стал чем-то вроде словосочетания «соперники по чемпионату». Но у них игра строго на пожизненное выбывание. Правда, в самую высшую лигу – в Поднебесную.

Жених-бандит не идет в сравнение с принцем Уэльским. Галка Веремеева отжила с таким отморожком полгода. Один раз сказала: «Вить... Ну ты бы

хоть мне цветы принес или в ресторан сводил». Он впилил ей дажеб левой. Удостоверился, что синяк расцвел, подтащил к зеркалу, ткнул ее лицом и говорит: «Вот твои цветы, сука!» Потом взял за волосы, уволок на кухню, пихнул головой в раковину: «А вот твой ресторан, мразь!..»

Как-то его не было дома, кто-то позвонил и спросил Витю. Галка сказала, мол, нет дома. Просили передать, что он козел. Она ему передала. Он побледнел, убежал и вернулся с номероопределителем... Зря потратил деньги. На них можно было заказать лишний венок. Через два дня ему прострелили тыкву в баре. Говорят, на похоронах Галка рыдала громче всех. Наверное, от счастья.

Тема номер два. Сталин, оккупация, ГУЛАГи, выселение. Об этом говорят везде. Недавно зашел в платный туалет. На стене – граффити: «Русские! Ежсайте дамой! Акупанты!»

*Меня пригласили в гости латыши. На день рождения. Знаешь, какими были тосты? Политическими. Свобода, б****, независимость, вечный гнет. Я думал, наконец кто-нибудь честно скажет:*

«Дорогой Андрис! Поздравляю тебя. Будь любим, здоров, востребован, счастлив и богат. Пусть тебя окружают покой и благополучие. Но ты сам понимаешь, что это возможно только после того, как уйдут русские. Кстати, а что они делают за этим столом?..»

Никто не сказал. Но все так думали.

Раньше я с ними дружил. Теперь здороваюсь. Недавно встретил Нормунда Калейса. Он туда же. Вот от кого не ожидал. Я говорю:

*«Ваша независимость – ваши же и п****ц! Россия трубу перекроет, будете на самокатах ездить и на телегах, как ваши батраки-предки».*

Знаешь, что он ответил:

«Херня. Нам Эмираты танкерами нефть бесплатно начнут поставлять».

Я спросил: не за серый ли горох и кильку?..

А теперь держись. Калейс сказал, что за стойкость и ИДЕЮ.

Ты видел идейных латышей? И где шейхи, а где спридитисы, мальчики-с-пальчики? Потом Калейс сказал, что они всю Европу беконом завалят. Он, бедняга, не знает, что всех свиней давно, на хер, поубивали. Они уверовали, что мир следит только за событиями в Прибалтике, и судьба этих карликовых народов кого-то заботит. Латышским детям запрещают играть с русскими. Запрещают говорить на языке оккупантов. Полагаю, что скоро латышские дети начнут повально деградировать. Не все. Но многие. Ты же видел, сколько они копили все это. Теперь выплескивают. Телевидение с утра до вечера показывает дискуссии на тему советского гнета. В перерывах – хоровое пение и танцы дра-ла-ла. Понаехало их сучливых землячков из Штатов, Канады и Австралии. Все агенты влияния, провокаторы. Там работали почтальонами и сапожниками, здесь стали видными политиками. Помнишь Миларозу? Ну, этого педераста, что в советское время из тюрем за мужеложество не вылезал? Он теперь активист Народного фронта. С трибуны не слезает. Говорит так воодушевленно, что у меня подозрения. Вполне возможно, что будет заваруха.

Москва реагирует на все это вяло. Рука ослабла. Сдрочилась. Я удивляюсь, что мои письма доходят. А знаешь, почему? Им просто лень их

читать. Они всё уже предугадали! Такие дела. Обнимаю и верю, что у тебя все будет отлично. Вернее, предугадываю!

Я продолжал встречаться с Сантой. Мне было приятно, что она красивая. Мы шли по городу и заглядывали в витрины. Ловили свое отражение. Мы подходили друг другу. Наверное, я ее любил. И в то же время мне было ее жаль. Узкий мирок, боязнь окружающего, ненормальная любовь к бездомным кошкам и фирме ARMANI. В постели она вела себя неплохо. Но были и те, кто вел себя лучше.

Со спирта мы с Игорем переключились на оптовую торговлю. То есть на фарцовку в особо крупных размерах. Покупали контейнерами шмотки в Италии, продавали их коробками с пандуса убогого склада. Налоги укрывали. Сейчас это называется заумным словом – «оптимизация». По утрам я смотрел в зеркало и четко выговаривал слово «ничтожество». Оно не отскакивало. То ли улетало в параллельный мир, то ли прилипало к отражению.

Из-за спирта и шмоток я не поехал на экзамены во ВГИК. Послал туда рассказ и был уверен, что мне не ответят. Сделал заведомо неудачную попытку. Рассказ был идиотским: японского камикадзе Тахиро мучают сомнения. Он сидит в каюте и ведет с собой философские беседы. По ободу иллюминатора крутится чертовски сложный вопрос: «Стоит ли уничтожать себе подобных?..» Наверное, все же это был не японский камикадзе. Его прикрепляют к торпедо, а он все думает. Такой вот задумчивый самурай... Торпедо стартует из отсека, а Тахиро не может выплыть из омута своих мыслей. Судя по его внутреннему монологу, торпедо шла со скоростью бумажного кораблика. Слишком долго он размышлял. И что вы думаете? Болванка-то была управляемой. Тахиро взял и развернулся, изничтожив своим поведением истину о том, что камикадзе были такими же безотказными товарищами, как зажигалки ZIPPO. И крейсер свой он тоже уничтожил. Его семью забили нунчаками, искололи палочками для риса... Ну, про семью я приврал. По рассказу его проклинали.

Честное слово, я писал всю эту хрень трезвым. Более того, я даже третий раз в жизни не покурил гашиш. Из ВГИКа пришло приглашение. Я задумался. Учиться на дневном факультете и таскать вечером мешки с крупами – не для меня. Значит, придется либо сидеть на шее родителей, либо найти богатую невесту... Лучше таскать мешки с крупами. Но я же говорил, что это не мое. ВГИК улетел в один ящик с Диснейлендом, Голливудом и NHL. Нечерноземная полоса России стонала без итальянского шмотья. Мы начали отсылать тряпки местного пошива вперемешку с итальянскими. Один раз пришла рецензия: «Убедительно просим заменить три джинсовых костюма „варенка“, артикул „ЛОХ“, ввиду брака». Я спросил Игоря: кто обозначил в артикуле «ЛОХ»? Он сначала помолчал, а потом сказал, что хоть в чем-то нужно быть честным...

Сашка исправно писал.

Привет, Мишика! Был на «Нью-Йорк Рейнджерс» – «Филадельфия Флайерс». Что сказать? Я Паоло (хозяину) ничего не сказал. Я ему руку тряс так, что он потом еще минут пять вибрировал. Такое впечатление, что у ребят в коньках реактивные двигатели. Темп бешеный, играют по наитию. Глаза у всех с двух сторон – затылком видят, кому отдать надо.

Теперь снова об американском коллективизме. Полная арена – 16 000 зрителей. Думаю, с последнего ряда плохо различимы даже цвета маек. Болеют шумно, но культурно. Но они меня снова разочаровали. Начало второго периода. Зал пуст наполовину. К пятой минуте вроде как все подтянулись. С огромными ведрами поп-корна и литровыми стаканами «колы». На подлокотнике каждого кресла – держатель, шириной с автомобильный руль. Именно для этих ведер с попкорном. По-моему, здесь это вторая по популярности вещь после доллара. То есть хоккей половине по

херу, главное – тусовка. Случайно познакомился с классным мужиком. Его зовут Майкл Фриш. Бывший рижанин, живет здесь уже 20 лет. Он писал для американских газет репортажи именно про NHL. Юморист, не дурак поддать. Скоро он будет в Риге. Я на всякий случай дал твой телефон. Думаю, вам интересно будет пообщаться.

Был в гостях у приятеля. Познакомился с девушкой Гражиной. Она из Паневежиса. Польско-литовский ребенок. Тянет меня на Прибалтику. Нас объединила тоска по Родине и любовь к утреннему сексу. Работает медсестрой. У нас что-то вроде гражданского брака, хотя мы оба еще не граждане США. Я ей про тебя рассказывал и показал фото. Если «классная подруга» это аргумент для отъезда, не тяни резину. У Гражины просто обворожительная подруга.

Паоло говорит, что через две недели он сделает для меня сюрприз. Я спросил: в смысле, уволит? Он рассмеялся, похлопал меня по плечу и, как в плохом американском фильме, произнес: «Все будет нормально, парень!» Потом я вспомнил, что у меня через две недели день рождения. Скорее всего, мне повысят зарплату. Тоже неплохо.

Гоша совсем плох. Нажрался и ссал с балкона на головы прохожим. Его оштрафовали, и соседи теперь с ним не здороваются. Он сказал, что так они лишают его возможности лишний раз попрактиковаться в английском. Ну, вот такие дела, Майкл. Обнимаю. Сашика.

Майкл Фриш оказался отличным мужиком и законченным алкоголиком. Его могло спасти только удаление желудка или лоботомия. Он действительно знал всех звезд NHL. И не просто знал, а со многими дружил.

Я тогда был в завязке: пил не больше трех дней в неделю. С прилетом Майкла перешел на семидневный график. С ним было интересно. Пару раз мы устраивали дебоши в ресторанах, но спасал его паспорт. Фриш тут же вытаскивал корочку с золотистым орланом, взбирался на стол и кричал:

– Стреляйте, суки! Я гражданин США! Через полтора часа здесь будет рота Джи Ай!

Обычно он кричал это безоружным официантам и даже гардеробщикам. Хорошо, мы не наравались на ОМОН. При виде гражданина США патронов они жалеть бы не стали. Я ему сказал, что самолет из Штатов летит двенадцать часов – Джи Ай не успеют. Майкл упомянул про базы в Европе.

Будучи относительно трезвым, он уговаривал меня валить. Говорил:

– Ну не будет, не будет здесь пожизненно продолжаться эта лафа с гешефтами. Опять в итоге все отберут...

Райской жизни не обещал, но помочь с работой брался. Меня поражало, что он вообще не ест. Родители пригласили на шашлык, и я взял с Майкла слово, что он покушает. По дороге заехали в магазин. Он купил две бутылки виски 0,7. Потом выбрал для мамы самый красивый букет... Майкл не сдержал слово. За три часа он выпил бутылку «Johnny Walker», выкурил полторы пачки сигарет и съел один зеленый перец...

Через семь лет Майкл снова появился в Риге. Помолодевший, жизнерадостный. Мы присели в кафе. Я спросил: не пьет ли? Он уверенно ответил, что завязал на всю оставшуюся жизнь. Через минут десять подозрительно оглянулся по сторонам и спросил:

– Как думаешь, тетка, прямо здесь замастырить или лучше в подъезд какой-нибудь зайти?..

Сколько дней выпало из жизни в первый приезд Майкла – не помню. Один раз во время запоя я решил черкать крестики в календарике. Протрезвев, взглянул на календарик. Пьяным я играл в крестики-нолики.

Майкл улетел. Работа продолжалась. Деньги ложились в карманы легко. Так же, как это делала в постели Санта. Я продолжал с ней отношения. Понял, что такое слепая ревность. Как-то мы шли по городу. Я поздоровался с женой приятеля. Санта тут же набросилась на меня: «Ты ее трахал? Ты ее трахал, сволочь?» Потом я встретил еще несколько знакомых девушек. Вечер был загублен. В ресторане она выплеснула на меня горячий кофе. В машине устроила скандал. Дернула за руку, и я еле удержал автомобиль на скользкой трассе. Уже тогда мне нужно было понять, что я не умею строить отношения с женщинами. Тем более – с душевнобольными. Я был создан для скоротечных романов. Спринт – самая красивая дистанция в отношениях мужчины и женщины. На этом отрезке выкладываешься, отдаешь себя полностью, чувства не успевают завянуть. Стайерский забег накладывает сиюминутные обязательства. Бежать марафонскую дистанцию в паре – невозможно. Мучаешь и себя, и партнера.

Привет, Алекс! Начинаю приходить в себя после отъезда Майкла. Я видел много евреев-полукровок. У одних было 50 % украинской крови, у других – столько же русской. У Гришки вообще жена из Мозамбика, и у них есть «угольные» дети. Но я не видел, чтобы у еврея кровь была наполовину смешана с виски. Общение с хоккеистами наложило на Фриша тяжелый отпечаток. Но он веселый и, как мне показалось, очень хороший человек. Правда, если он не бросит алкоголь, скоро ты попадешь на кладбище не в качестве экскурсанта, а в роли скорбящего друга. Я отходил пивом дня четыре. Ну да ладно. Передавай ему привет и скажи, что я таки выжил.

Продолжу тему полукровок. У отца есть приятель – Игорь Глухарев. Мама – аудишен, папа – русский. Игорю уже в районе шестидесяти. Когда он узнал, что мы получили статус, бегал и отговаривал:

«Да вы с ума посходили? Какая Америка? Жить нужно здесь. Скоро уйдут коммуняки. Все наладится...»

И что ты думаешь? Втихаря получил «беженца» и свалил. Перед отъездом орал:

*«Не понимаю, что вы здесь сидите? Уйдут коммуняки, придут фашисты. Жить нужно в Штатах. Здесь будет полный п****ц!..»*

Прикатил в Нью-Йорк вместе с мамашей. Там, естественно, его только и ждали. Мамаша вообще не поняла, куда прилетела. Спрашивала: «Игорек, Игорек... Мы уже на родине? Мы во Владивостоке?..» Она с Альцгеймером у него дружит. Еще и двух пуделей с собой прихватили. Те быстренько лыжи на небо наострили. То ли с тоски по заспанному подъезду, то ли с голодухи. Но нам писал о райских куцах...

Его чисто случайно встретил (мир тесен) папика друг. Тот двадцать лет в Штатах и прекрасно себя чувствует. Говорит, мол, видел Глухаря, и тот чуть ли не чистильщиком обуви в Гарлеме работает. Если такое, конечно, возможно.

Приходит недавно письмо. Я вскрыл. Там фотка. Читать не стал, а увидел снимок и обомлел. Говорю:

«Пап, по-моему, дядя Игорь женился. Но почему-то у него фата на башке, и невесты не видно?.. Может, он того?»

Папик говорит:

«Вот ты балбес... Это он обрезание сделал. Снимок – после ритуала».

А я-то и смотрю: глаза грустные. Это он для того, чтобы в синагогу на довольствие стать, обрезался. Видно, как тебя, чуть ли не предъявить попросили.

Насчет хоккея завидую. Еще несколько годиков, и дворец, по-моему, рухнет. Сарай сараем, лед мягкий. Зато на концерт вот сходил. Какая-то бывшая валютная проститутка несколько лет назад вышла замуж за престарелого шведа. Решила порадовать Ригу рок-концертом. По всему городу афиши расклеили: «Монстры тяжелого рока «Black Tower» (Швеция)». Народу во Дворец спорта набилось под завязку. Я, естественно, пошел, хотя ни о каких монстрах из «Черной баини» не слышал. Ну, думаю, может, восходящие?.. Оказались полными ублюдками. Барабаничик в финале запустил в зал палочками. Ты видел, чтобы палочки летели обратно в барабаничика? А я вот видел. И причем одна угодила прямо ему в баинку... А потом на сцену полетело все. Даже обувь. Народ их у служебного входа часа два ждал. Не за автографами, конечно... Потом приехали менты и сопроводили прямо в аэропорт.

А сейчас новые афиши уже висят. Самый известный колдун России, магистр черной магии, ну и так далее. Приписали бы еще: внебрачный сын Люцифера и двоюродный племян Мерлина. И тоже во Дворце. Билеты уже проданы. Скоро они прямо на льду начнут черные мессы проводить...

*Латыши все готовятся к революции. Глотки тренируют. Многие русские продают все и уезжают в Россию. Кто-то устраивается неплохо, кто-то жалеет. Я следую принципу: «Будь что будет». Это издержки моей непрактичности и любопытства. Наверное, если начнут выселять насильно, я буду идти к вагону и кричать: «Нет, ну вы, б****, дайте!..»*

Рад, что ты нашел вторую половину. Хочется верить, что это несерьезно. Гошин поступок не удивил. Спать на головы людям с балкона – одно из проявлений внутреннего протеста у алкоголиков. Я тоже так делал. Вспомнил! У меня в жизни вообще случай улетный имел место. Мне лет пятнадцать было, и гостил я в Баку у бабушки. Дом комитетский, спецпроект – шестнадцать этажей. Она жила на четырнадцатом. Я переборщил с вином «Чинар». Пришел невменяемым. И тут мне так плохо стало... Ну, думаю, дай на воздух свежий выйду. Над головой – сажка небес, перед глазами – огни большого города. Вот от огня-то меня и повело. Я резко наклонился и блеванул. А тремя этажами ниже мужик, облокотившись о перила, курил. Впоследствии оказалось – майор КГБ. В общем, лысину его помню и огонек сигареты. Я честно бабушке все рассказал. Этот через три минуты уже в дверь трезвонил. А я сидел в туалете и тревожно молчал. Бабушка сказала, что это, наверное, с крыши. Обошлось.

Такие дела, Алекс. Ты пиши. Не пропадай. Обнимаю. Мишка.

Больше писем от Сашки я не получал. Ему отписывал, но безответно. Думал, обустроился, жизнь наладил. А через год встретил знакомого. Тот в Штатах по делам был. Спросил про Алекса. Лучше бы не любопытствовал...

– А Сашку месяцев восемь как в разборке застрелили. Он с казанскими свелся. Ну, по приезду. А там у них что-то с другой бригадой не заладилось. Он из дома выходил, и три пули в живот...

– А как же работа грузчиком в мебельном?

– Наив ты, Мишка...

Я после этого пил. Говорят, долго, жестоко и безудержно. А потом я посвятил Сашке стихи. Короткие и простые. Они стерлись. Наивными были...

Розамунда

Если вам хоть раз удавалось дозвониться в утренний радиоэфир, не вспоминайте об этом с теплотой. Стоит умолкнуть вашему голосу, как гуру невидимых волн заключат, что на проводе был бездельник, задрот или дебил. И это еще не самые обидные ярлыки. Ведущие пред-рассветных часов недосыпают, лишены утреннего секса и невероятно тяжело переносят похмелье. Не будь цензуры, их диалоги, не попавшие в эфир, собирали бы более широкую аудиторию:

– Ну, что. Сейчас перебивка, а потом этого загламуренного голубка-Витаса ставлю.

– Да хоть Витаса, хоть Билана, хоть Моисеева... Все они – голубье и никчемные люди...

Одна Лолита – настоящий мужик.

Но вы слышите примерно следующее:

– А сейчас, уважаемые радиослушатели, для вас споет обладатель действительно уникального голоса, мечта многих и многих женщин. Итак, волшебные переливы Витаса на волнах нашего радио!

Люди звонят, участвуют в интерактивах. Для меня это слово так и осталось загадкой. И, кстати, если есть «интерактив», то почему нет «интерпассива»? В смену «Ангорских пересмешников» Зигмунда и Ромы на волнах радио «РВС+» частенько звучал голос Розамунды. Это был не псевдоним благодарной слушательницы. Розамундой девочку опрометчиво нарекли романтически настроенные родители. Просто не замечали, как стремительно время. Первый раз Розамунда появилась сразу после объявления о пропавшем волнистом попугайчике. На улице морозно, влажность за пределом. Звонок хозяина птицы, скорее, был данью памяти.

– Зачем теплолюбивое пернатое покинуло домашний уют? – с грустью произнес Зигмунд, выключив микрофон.

– Наверное, его били и выдергивали перья, – предположил Рома.

– Из жопы, – добавил редактор эфира Виктор.

В этот момент раздался звонок. Голос женщины был грудным. Говорила она с паузами. Выпив остатки «алкаельцера», Рома поморщился и тут же бодренько произнес:

– Представьтесь, пожалуйста.

– Розамунда... Меня зовут Розамунда.

– Какое редкое и, я бы сказал, эротичное имя!

– Меня называли в честь композиции Шуберта. Я рождена, чтобы порхать и дарить свет.

На этой фразе Рома с Зигмундом выразительно переглянулись.

– Так что там у нас с птичкой, о, прекрасная незнакомка, порхающая в лучиках света?

– Сегодня утром я подошла к окну. Шапки сугробов, узкие тропинки, ведущие в небольшую рощу. Я отворила окно, чтобы впустить зиму!

Покрутив у виска указательным пальцем, в разговор вступил Зигмунд:

– С зимой вас, Розамунда! Но мы ищем не зиму. Мы ищем блудного попугая.

– Да, да... Конечно. Маленького волнистого попугайчика. Забавного шалунишку, выпорхнувшего из окна. Я видела его. Недалеко от моих окон растет красивая сосна. Он опустился на одну из ветвей дерева. И мне казалось, что он дрожал и молил о помощи.

– Но он вроде как не говорящий, – вставил Рома.

– Иногда достаточно взгляда...

– Ну у вас и зрение! А в каком районе вы живете, Розамунда?

– Все мы живем на Земле. А потом и в самой земле. Я живу на Красной Двине. И еще...

Мне очень нравятся вы, мои милые, озорные «Ангорские пересмешники».

– Должен вас огорчить, – еле сдерживая смех, сказал Рома. – Но птичка пропала в Задвинье. Боюсь, до Двинки она долетела бы вряд ли. Не каждый волнистый попугай дотянет до середины Двины! Но все равно, спасибо за звонок!

– И вам спасибо. Спасибо, что вы есть!

Это был сигнал. Многие горожане с удовольствием бы нарушили траурный этикет и, при определенных обстоятельствах, произнесли бы в адрес «пересмешников»: «Спасибо, что вас больше нет». Но Розамунде нравился юмор блиндажей и окопов. Через день она «достучалась» до студии, чтобы поиграть в игру-дебилку «Любимый шарик». Развлечение это придумал какой-то ленивый аферист без фантазии. Игроки старались угадать, на каком выдохе редактора программы, Вити, шарик закончит свой жизненный путь. Розамунда сказала, что выдыхов будет четырнадцать. Витя дунул в микрофон ровно четырнадцать раз. Подмигнув Роме, ткнул иголкой в заранее надутую резинку. Счастливица выиграла латышский крендель с копченостями и скидочный купон в магазин пластмассовых интимностей. После пятничного эфира машину Зигмунда остановили на выезде с офисной стоянки. Открыв дверь, охранник протянул увесистый пакет:

– Какая-то женщина забрала крендель с купоном, и просила передать вам вот это.

В салоне «тойоты» запахло котлетами и борщом. Такую благодарность за свою работу «пересмешники» получили впервые. Эпистолы не по возрасту зрелых девочек с пожеланиями отжаться в прямом эфире, поделки учеников коррекционной школы, письма водителей троллейбусов с пожеланиями достичь высот Дроботенко, – все это было. Но провианта, до Розамунды, никто не слал.

Пакет Зигмунд разобрал уже дома. Садок с борщом, завернутые в фольгу паровые котлеты, баночки с пюре и компотом. На самом дне пакета покоился серебристый конверт с инициалами Р. К.

Розамунда просила отведать приготовленные ее руками блюда и восхваляла порядком надоевший горожанам дуэт «Ангорских пересмешников». На словах «талантливо» и «гениально» Зигмунд довольно улыбнулся. У него был тот этап творческого пути, когда самолюбие мог потешить комплимент человека, лишенного вкуса. Паек Зигмунд отдал алкашу соседу. Непросыхающий индивид поинтересовался, стоит ли ждать продолжения гуманитарной помощи.

Утром следующего дня Розамунде вновь удалось сделать то, что на протяжении долгого времени не удастся сделать многим. Она с легкостью пробилась в эфир. «Пересмешники» устроили интерактивный опрос. Слушатель должен был красочно описать свою одежду. Картавый мальчик пытался рассказать о пуховике и джинсах. Его беспардонно отослали к логопеду. Девушка в ботфортах и норковом полушубке просила об экскурсии по радиостанции. Ее поблагодарили в момент, когда речь уже шла о стрингах с кристаллами от Сваровски. Пьяного товарища из сауны прервали на полуслове. Он рассказывал о полотенце в полосочку. Вот за ним и настала очередь Розамунды.

– Как вам понравились мой борщ и котлетки? – с задором произнесла женщина.

Рома удивленно посмотрел на Зигмунда.

– Великолечно, Розамунда! Рома до сих пор облизывается как кот в период вязания...

– То есть вязки, – нашелся последний. – Вы дадите фору любому ресторану нашего города! Так в чем же вы сейчас, наша самая активная радиослушательница?

– Я в ванной...

– Вы не одни, Розамунда? – перебил Рома.

– Конечно же, не одна. Я с вами, мои озорники.

На этих словах Виктор схватил со стола сигарету и, прошепев: «Ну вот и виртуальный double penetration!» – выскочил из студии.

– Продолжайте, продолжайте, Розамунда, – подбодрил даму Роман.

– На мне розовый прозрачный пеньюар. Я лежу, вытянув ножки, и смотрю на волшебные пузырьки пены.

– Вы что, прямо в пеньюаре в ванне лежите? – изумился Зигмунд.

– Ну, конечно! Он облегает мокрое тело... Он стал прозрачен... И поверьте мне, я выгляжу очень эротично.

– Кто бы сомневался?! Влажная Розамунда, простите за каламбурчик... Влажная Розамунда в пенном пеньюаре.

Рома чуть не поперхнулся «актимелем». Кофе и чай он не употреблял: начитался о вреде танина и кофеина. В зависимости от самочувствия, по утрам пил «алказельцер» или «актимель». Всерьез увлекался йогой и чечеткой.

– Жаль, не имеем возможности наблюдать вас, восхитительная наядя! Не видим эти плавные изгибы тела, и можем надеяться только на нашу безудержную фантазию. Вы мечта фотографов и поэтов, Розамунда!

– Я полагаю, победитель сегодняшнего дня определен, – вступил Зигмунд. – Розамунда, какую песню вы бы хотели услышать в честь вашей победы? Вашей и вашего розового пеньюара.

– Эталоном мужчины для меня является Меладзе, мои пересмешнички. И я бы хотела...

– Вы бы хотели услышать песню про ту, что вся внутри соленая! – вновь перебил Рома. – Я угадал, наша балтийская тропикана-женщина Розамунда? Будем слушать про всю внутри соленую?

– Не угадали! Я бы хотела послушать про девушек из высшего общества.

Зигмунд объявил, что для обладательницы влажного розового пеньюара споет грузинский скальд Валерий Меладзе. Розамунда рассыпалась в благодарностях и обещала звонить еще. Появление таких персонажей спасало «пересмешников». На их шутки уже не реагировали даже поклонники Петросяна и Дроботенко. А вот выпуск в эфир людей, ищущих компромисс с собственным мозгом, пользовался успехом. Все как с городскими сумасшедшими: у кого они вызывают смех, а у кого сожаление. До Розамунды был Игорек. Он так и представлялся – Игорек. Любил рассказывать о снах. Нормальный человек после недели таких сновидений упротил бы Господа о скорейшем финале. А Игорек рассказывал со смехом. Частенько появлялся в еще одной идиотской игре – «Синоптик-всезнайка». Звонки начинали принимать в 8 утра. Рома с Зигмундом поочередно интересовались: «Так сколько же, по-вашему, будет на термометре ровно в 11:00?» Люди называли числа с точностью до десятой. Термометра за окном студии не было. Дозвонившись, Игорек бредил. Один раз сказал, что его бабка преставилась именно в 11 утра с температурой тела – 49 по Фаренгейту. Жаловался на ртутные градусники, которые нужно использовать ректально.

Конкурс Игорька и сгубил. «Пересмешники» решили поиграть в рифму. Нужно было закончить двестише. Рома громко зачитал строки:

– На горе стоит Акакий, под луною голубой... Ваши варианты, пииты!

Игорек дозвонился первым. Поздравил с надвигающимся Днем десантника и резво выпалил:

На горе стоит Акакий,
Под луною голубой.
В зад его дерут макаки
И доволен он собой.

Один из особо внимательных слушателей нажаловался в Национальный совет по телевидению и радиовещанию. Написал о попранных основах толерантности, сетовал на постоянные унижения гомосексуалов. На письмо отреагировали. В адрес радиостанции пришло предупре-

ждение. Цепная реакция задела Игорька. Больше его в эфир не выпускали. Говорят, потом его голос слышали на другой частоте. Все те же рассказы о кошмарах, которые он относил к обычным сновидениям.

На время Розамунда исчезла. Затихла подобно одноименной композиции Шуберта. Лопались шарики, полз наверх столбик мифического термометра. «Ангорские пересмешники» продолжали хохотать над своими шутками. В сетке вещания появилась еще одна передача. Над названием долго не думали, слямзили у одного из российских телевизионных каналов. Ток-шоу называлось «Глас народа». Динамики рвало от криков борцов за социальную справедливость. Древняя старушка обещала повеситься, если мэрия не возьмется за уничтожение бродячих котов и собак. Вешаться ее отговорили – завуалированно посоветовали утопиться. Юный скаут прокричал на всю Ригу, что Ивар Смирновс из седьмого «Б» занимается онанизмом в кабинете биологии. У мальчика спросили фамилию. В прямом эфире посоветовали Ивару Смирновсу отучить одноклассника Игоря Берззиньша от стукачества. Ивару пожелали успехов в тренировке кистевых суставов.

В один из таких эфиров дозвонилась и Розамунда. После долгих расшаркиваний Зигмунд попросил женщину рубануть правду-матку.

– Я расскажу о нашем соседе Улдисе. Мы с мамой живем в коммунальной квартире.

– А сколько маме лет? – поинтересовался Рома.

– Маме семьдесят два года. А что?

– Да ничего в принципе... Привет маме передайте. Привет и спасибо за такую сознательную и активную дочь. Продолжайте, Розамунда.

– Мы с мамой купаемся раз в три дня.

Зигмунд закрыл рот ладонью. Сморщившись, махнул пятерней у кончика носа:

– Правильно, Розамунда! Женщина должна пахнуть!

– Чем?

– Собой, конечно. Никакие парфюмы не заменят природного запаха женщины. Мой партнер Роман выбирает женщин именно по запаху.

Зигмунд ушел в очередной зигзаг пошлости. Но он знал, что жена Ромы радио не слушает. Розамунда продолжила:

– Мы с мамой, как я уже говорила, моемся раз в три дня. Но вот что я заметила. Так как у нас совмещенный санузел, то посещаем мы его не только на предмет купания...

– В розовых пеньюарах, – перебил Рома.

– Роман, дайте мне досказать, пожалуйста. Так вот. Иногда, сидя... То есть иногда, заходя в ванную, я замечаю, что наш кусок мыла поблескивает от влаги и в те дни, когда мы с мамой не моемся. А так как, кроме соседа Улдиса, в нашей коммуналке никто не живет, то ответ на вопрос лежит на поверхности. Нашим мылом пользуется Улдис. А мы с мамой очень брезгливые. Я это к чему – Улдис человек выпивающий. Иногда водит к себе женщин легкого поведения. И страшно подумать, что они, как и Улдис, тоже куском этого мыла моют свои... Ну, вы понимаете, что я хочу сказать. Представляете, если мы с мамой заразимся каким-нибудь венерическим заболеванием? Мама этого вообще может не перенести. И не только в физическом, но и в моральном плане. Вот, собственно, все, что я хотела вам рассказать.

Первым отойти от приступа смеха удалось Зигмунду. По голосу и не сказать было, что мгновенье назад этот человек хохотал в выключенный микрофон, сложившись вдвое.

– Розамунда! Имя! Имя, сестра!

– Я же сказала – Улдис.

– А фамилия любителя горячительного и доступных женских телес?

– Круминыш. Улдис Круминыш. Слесарем на фирме «Астроник» работает.

– Улдис Круминыш! Слесарь с фирмы «Астроник»! Мы обращаемся к вам. Прекратите воровать мыло у великолепной Розамунды и ее не менее великолепной мамы! Купите мыльце

с отдушкой ландыша и порауйте им свои интимности и интимности курсирующих к вам женщин! Занавес, Розамунда! Вы, как всегда, были лучшей.

Сразу после передачи раздался звонок из представительства парфюмерной компании. За незабываемый рассказ хозяин решил презентовать Розамунде коробку французского мыла. Зигмунд перезвонил женщине, поздравил с сюрпризом и предложил забрать подарок в конце недели. Розамунда за коробкой не заехала. Не появилась она и еще через семь дней. Во время одного из выходов Рома вспомнил о пропавшей. Сказал, что уже две недели на волнах радио не звучит голос одной из самых колоритных радиослушательниц, и решил в прямом эфире дозвониться до нее.

– Куда вы пропали, о прекрасная Розамунда?! – воскликнул Рома, услышав короткое «алло».

– Я в больнице.

– Как – в больнице?... Простите, а что стряслось? Чем мы можем помочь?

– Все произошло после моего рассказа об Улдисе Круминьше. Оказывается, на его фирме тоже слушают вашу станцию. И передачу, где я про мыло говорила, тоже слушали. Вечером Улдис пришел домой в подпитии. Обзывал нас с мамой «суками». А потом взял и заколотил двери в наши комнаты. Мы в полицию позвонили, они обещали приехать, но сильно задерживались. Мама нервничать стала. Тогда я решила на простыне со второго этажа спуститься, чтобы доски с дверей отодрать. Когда до земли совсем немного оставалось, простыня треснула и порвалась. В итоге перелом ноги и сильный ушиб копчика.

В салоне «тойоты» пахло бульоном и телячьими отбивными. Рома укладывал в багажник коробку с мылом.

– Стареем, мой друг Зигмундо! Стареем и добреем... Раньше фестивалили с благодарными слушательницами, молодыми и на все готовыми. А теперь вот отчаливаем в больницу к пожилой женщине, пострадавшей за правду.

И за твой длинный язык.

Мечта пилигрима

Арин подошел к Милькову и сказал, что на пересечении Казармас и Миера трамвай столкнулся с фурой. Живописал, как погибали юная латышская вагоновожатая, два мальчика-близнеца с бабушкой и контролер. Милькову стало дурно. До прихода в журналистику он тренировал кисти рук троллейбусным рулем, диаметром с баскетбольную корзину. С обожаемым относился ко всему, что передвигается по рельсам и проводам. В один из поворотов Мильков троллейбус не вписал. Огромными бенгальскими огнями заискрились штанги. Кто-то не удержался за поручень. Мильков на манер дуэлянта натянул промасленные и заплеванные краги. Под звуки автомобильных клаксонов походкой тореро направился чинить неисправность... Дальнейшее память в травмированных полушариях Милькова не сохранила. Пассажиры перекочевали в свидетели, троллейбус – в ремзону. Беспощадный колющий удар электричества убил в Милькове ударника трамвайно-троллейбусного парка. Человека убить не посмел. И через время в реанимации ожил немного странноватый журналист, заполняющий рубрику «город». Статьи были об изношенных рельсах, новых компостерах и гибнущей городской канализации.

– Арин! Коллега Арин! Скажите, а как, как попала фура на перекресток Казармас и Миера?.. Какая нелепость! Черная метка судьбы... Именно черная метка судьбы! Там же элементарно нет места для маневра!.. Что с остальными? Где остальные несчастные пассажиры? – запивая таблетку, вопрошал Мильков.

– В манде остальные несчастные пассажиры! В манде, коллега Мильков!.. А фура попала туда по воздуху. Вместе с танками и тяжелой артиллерией. Херня война, у фуры были маневры... Вадик, первое апреля, мутила! Накатишь с нами за День дурака?..

Милькову стало еще хуже. Он перекатил игрушечную модель троллейбуса подальше от клавиатуры, потер желтые виски и сел дописывать материал «Рига – город пробок»...

Дима Мовчан поведал Лене Тихоновой, что в Интернете появились ее интимные фото, которые скинул на один из порно-сайтов бывший ухажер Толик. Лена стала пунцовой. Настоячиво требовала адрес портала. Значит, все же было... Дима сказал, что адрес портала – три дабл, первое апреля, точка лв. Потом кричал, что Тихонова похотливая сучка, отмывая от кофейной гуши папки с фотографиями и набросками...

Эдику Гасину прислали электронную похоронку. Короткая, в хорошем тревожном ритме: «Эдик крепись. В Ашдоде умерла бабушка. Похороны завтра. Ждем». Пока Эдик пытался дозвониться до Ашдода, пришло некрологическое опровержение: «Эдик не крепись. Бабушка передумала. Ест мацу и смотрит „Санта-Барбару“». С первым апреля!» Не угадали. Гасин поначалу возрадовался. Узнав о розыгрыше, сник. Бабушка жила лучше Эдика, но не делилась...

На доске объявлений выцветали приглашения на мероприятия, которые игнорируют даже наивные обыватели и активные дураки. Конкурс детского рисунка «Латвия – земля трудолюбивых людей», семинар «Русская журналистика в Германии» с ведущими Глинкманом и Меером, выставка молодых скульпторов из Норвегии. Скандинавская тоска, обломки скалистых фьордов с латунными табличками на подставках.

Я споро набрал текст:

Латвийско-шведский туроператор «Londberg Skanska Pekaanyka BV» выходит на рынок Прибалтики и предлагает увлекательнейший презентационный тур «Мечта пилигрима» для представителей СМИ, по маршруту: Рига – Таллинн – Стокгольм – Пловдив – Вена – Прага – Барселона – Рим – Стамбул – Йончепинг – Рига; 14 дней на комфортабельном трехпалубном пароме. Варьете «Tropicana Wild Girls» и джазовый квартет

«8-th Avenue». Цена презентационной путевки: 139 долларов США или 81 лат по курсу банка Латвии. Восьмиразовое питание и спиртные напитки входят в стоимость. Владельцам флайеров вход на дискотеку бесплатный. Деньги сдавать в редакторат до 19:00.

Первыми к доске подошла чета Ривкиных. На субтильном и чересчур маленьком Авике висел костюм из подросткового отдела верхней одежды. Редкие усики к «двойке» не шли. Красный галстук с масляным пятном и эмблемой «Манчестер Юнайтед» напоминал пионерский. Вера была в белых носочках и босоножках цвета пожухлой листвы. Авик писал о политике, Вера, как правило, ни о чем: зарисовки о глади прудов и гнездовых чаек. Еще сочиняла крики редакционной души из рубрик «Память» и «От нас ушел(-ла)». Газета часто оживала вопросом: переходят ли они друг с другом на «ты», занимаясь сексом?

Первый фальцетом закартавил Авик. Вместо буквы р он выговаривал у. Вера водила картавящую половинку к известному логопеду, но эскулап сломался на третьем сеансе.

– Милая, как вам сегодняшняя каутошка? Мне кажется, они ее жауют на пуосуоченном масле.

– У меня уже страшная изжога, милый. Скорей бы домой. Там бы я нормально накормила своего котика. А вас не тошнит? Если тошнит, лучше освободите желудок.

Летом Игорь Стеблин жил на одной даче с Ривкиными. Для хозяина дачи, алкаша во втором поколении, летняя Юрмала превращалась в Эдем. В месяц он получал с четырех квартирующих семей около двух тысяч баксов. На всех одна кухня, один туалет и одно желание – подольше находиться на берегу моря. Игорь рассказывал, что Вера готовит исключительно замороженные польские корнеплоды. Вываливает на сковороду, щедро добавляет кетчуп. Сразу после трапезы Авик покорно отправляется в сортир. На двери заведения – гостиничная картонка. Когда туалет занят, картонка повернута в коридор красной стороной с надписью: «DO NOT DISTURB». За любовь подолгу сливаться жопой с пластмассовым кругом курортники дали Авику кличку Дистурбант.

– Котик, мне кажется, что очень интересное предложение. Круиз, действительно, увлекательнейший. Две сказочные недели. Мы лежим на палубе в полосатых шезлонгах, вдали парят чайки, гарсоны разносят коктейли...

– Но не кажется ли вам цена завышенной? Не слишком ли доуого? Стоимость хоуошей кухонной вытяжки. Если считать на двоих.

– Ну, что вы? Где же это дорого? Кормят восемь раз в день! Где вас будут кормить восемь раз в день за сто тридцать девять долларов на протяжении двух недель?.. Аня была в Турции. Кормили всего три раза, и она мучалась жидким стулом. А это шведы, совсем другой уровень кулинарии. И ваш любимый виски совершенно бесплатно. Варьете, дискотека! Даже не стоит думать. Вытяжку подарят Симовичи с Типловыми на мой день рождения. Я уже им заказала.

Авик пошел снимать деньги с карточки. Так же покорно, как отправлялся в нужник. Я сделал вид, что изучаю предложение. Подошел Стасик Клевецкий. Перечитал объявление раза три. Один раз вслух.

– Охереть! Красиво на рынок заявляются! Помню, так же литовцы заходили с йогуртами. Я их месяц на халяву жрал.

– Они же скиают быстро, – говорю.

– А я у них партиями забирал. И всего-то за две байки о том, какие у них йогурты вкусные и питательные. Ну ты-то едешь? «Тропикана Уайлд»! Четырнадцать уайлдовых дней. Бухло, чемоданы халявной пайки, упругие сиськи и задницы танцовщиц и наших коллег из конкурирующих газет.

– А экскурсии?

– Да брось, Майкл! Мне на Крите попался такой нудный гид. Натурально: не критянин, а кретин! Я запил после второго похода. В общем, я еду! Вернее, иду! Едут паровозы, плывет дерьмо, а я иду в круиз. И тебе советую.

Клевецкий исчез за дверьми редактората. Появился быстро. Я был уверен, что пошлют, а он улыбался. Стас снял объявление, снова двинул к главному. Вышел, довольно потирая руки, объявление прикрепил на прежнее место.

К доске потянулись желающие отдохнуть. Ира сказала, что похоже на первоапрельский развод – влияние работы в отделе социума. Она даже своему пекинесу не верит, что он ей друг. Гасин кричал, что не зря всю жизнь болел за «Тре Крунур». Кто-то заметил, что девять портов за четырнадцать дней – чересчур много. Я пошел дописывать материал...

Оставалось добить пару абзацев и найти в А.Ф.И. фотографию Рубенса Барикелло. Вместо Рубенса появился главный. По-доброму спросил:

– Майкл, твоя работа с туром мечты пилигрима?

Я утвердительно кивнул.

– Зайди в кабинет.

– Полосу сдавать надо.

– Сдашь. Одну уже сдал. Я это про шведского туроператора. И вторую сдашь.

Из-за жалюзи виднелась этикетка «Столичной». Динамики засахаривались патокой Сюткина. Главный налил. Рюмка была маленькой и подлой: из таких быстрее набираешь кондицию.

– Ну, давай, Майкл! За тур!

Закусывать пришлось карамелью.

– Нет, ну это просто, б****, просто не знаю, как и назвать это! Заходит Клевецкий. Так, мол, и так, викинги зовут в круиз, и я пришел сдать деньги. Какой круиз – спрашиваю, какие, б****, викинги, какие деньги? Приносит объявление. Я ему вопрос: у тебя как вообще с географией, Стасик? Отвечает, что чуть ли не в олимпиаде участвовал, до сих пор глубину Марианской впадины помнит. Ну, б****, говорю, тогда сдавай деньги... За ним – этот, карликовый гений. Я байку Авика битый час правил, убить был готов. И он наличность протягивает. Мол, хотели с женой купить вытяжку и холодильник, но решили пополнить кругозор, мир посмотреть. Я его тоже про географию спрашиваю. А он говорит, мол, все в норме, мол, сориентируемся... За Ривкиным Илонка Споле прибежала. И давай трещать. Сто сорок баксов – не деньги, я за эти сто сорок баксов, может, жениха найду, для которого и сто сорок тысяч карманные расходы. Ну... а если не найду буратину, то здоровье точно подправлю... Ты не микрофонь, Майкл, я вторую налил.

Вторая карамелька намертво прилипла к нёбу. Опрокинув, главный продолжил, указывая на стопку купюр:

– Знаешь, сколько здесь? Здесь семьсот тридцать лат. Лат сдачи я Авику должен. Хотя нет... Авику я должен больше... То есть деньги сдали девять человек! Де-вять!

Говорил Викторыч долго. О том, что в журналистике много мужчин-фельдшеров, слабоудовлетворенных женщин с желанием отомстить Вселенной и тех, кто просто хочет каждый день видеть в газете свою фамилию... На шестой рюмке мне расхотелось искать в А.Ф.И. фото Рубенса Барикелло. В архиве есть портрет Фелиппе Массы. Пусть знатоки «Формулы» повозмущаются.

Дверь кабинета распахнулась. На пороге стоял улыбающийся директор нашего издательского дома Костров. Человек малообразованный, но хваткий. Жестами Спаредини мы синхронно накрыли рюмки ладонями. Костров протянул свое коронное «ну», поздоровался.

– Викторыч, ну молодцы наши рекламщики! Что говорится, бдят! Я про круиз. И ребятам такой подарок сказочный. Это ведь смешные деньги. Как сейчас модно говорить, корпоративно отдохнем. Я подумал и решил, что тоже со своей махну!

Я так и вышел из кабинета. С большими глазами и маленькой рюмкой в руке. Объявление с доски снял. Через время прикрепил уже новое:

В связи со скоростной кончиной основателя компании – туроператора «Londberg Skanska Rekaanyska BV», Магнуса Седерстрема, презентационный тур для представителей СМИ «Мечта пилигрима» переносится на неопределенный срок. Деньги, внесенные за поездку, можно получить в редакторате.

Мертвые дворники

Пальцы скользнули по линолеуму. Пустая бутылка с гулом откатилась к серванту. Телефон оказался под подушкой. Табло Вадика отпугнуло. Одиннадцать пропущенных звонков! Четыре неизвестных номера. И три звонка от Сергеича... Набирать номер Александра Сергеевича Вадик устрасился. Голос покажется громким, озлобленным. Интонации зазвучат уничижительно. Лучше выпить граммов пятьдесят, а потом уже и объясниться. Но надежнее выпить сто граммов. Пятьдесят грамм придают уверенности. Сто – помогут быть смелым, неустрашимым. И даже деятельным, на какое-то время.

Пошатываясь, Вадим дошел до ванной комнаты. Зубная щетка больно впивалась в десны. Зажмурив глаза, Вадик, сплюнул на белизну раковины и ополоснул пунцовое лицо. Еще десять, максимум пятнадцать минут – и облегчение.

У подъезда, опершись на черенок метлы, стояла дворничиха тетя Клава. Год назад тетя Клава похоронила мужа. Он прошел войну, имел боевые награды. А еще – подаренный зажиточным кооператором протез, сделанный по специальному заказу в Германии. Последние годы служил военкомом и маниакально преследовал отказников. Иногда в состоянии тяжелого алкогольного врыва в квартиры и кричал. Кричал, что вокруг ренегаты, фашистские прихвостни, наркоманы, дезертиры и полицаи. Малолетней, но ранней потаскушке Регине из третьего подъезда орал с балкона, что во время войны он бы отослал ее в штрафбат. Грехи замаливать или болванки таскать на танковый завод. А еще дядя Игорь, или полковник Феофанов, рьяно болел за футбольный ЦСКА. Когда ЦСКА выигрывал, офицер добрел. Если любимая команда влетала, Феофанов буйствовал. Иногда поколачивал тетю Клаву. Бывало, вымещал злость на призывниках. Рассказывали, что после одного из проигрышей в военкомат явился юноша. Сам пришел, что уже редкость. Шею паренька обвивал красно-белый спартаковский шарфик.

– Так, значит, за «Спартак» болеешь? – спросил военком.

– Так точно, товарищ полковник, за родной московский «Спартак»! – отрапортовал будущий воин.

– На Дальнем Востоке будешь теперь болеть! И ангиной, и гриппом, и за родной московский «Спартак»! – заорал Феофанов. – Будешь в стройбате глотку свою рвать за родной московский «Спартак»! Сам станешь красно-белым от мороза, как твой шарфик!

Впрочем, красно-белым был разок и сам военком. Упился до белой горячки. Ковыляя, носился по двору. Песочницу детскую за окоп принял, просил, чтобы его прикрыли... Прикрыли. В вытрезвитель. Но, разобравшись, отпустили с миром, поблагодарив за защиту Родины от немецко-фашистских захватчиков. А через пару месяцев полковник Феофанов отправился в мир иной. Поговаривали, что отравился. Не то консервами, не то водкой.

На похоронах плакали и стреляли в небо. Скандал небольшой произошел. Когда церемония прощания подходила к экватору, какой-то прапорщик заметил, что один венок в каноны траурной икебаны явно не вписывается. С одной стороны расправленной красно-белой ленты виднелась надпись: «Сладких снов, товарищ полковник!» С другой – в мир смотрел слоган: «Спартак чемпион!» Виновных искали, но вместо них нашли несколько непригодных к службе сутулых юношей в прыщах и красно-белых шарфиках...

Заметив Вадика, тетя Клава подбоченилась. Качая головой, произнесла:

– Э-э-х-х... Вадик... Ты глянь, на кого похож-то стал, а!

– На мужа вашего покойного перед уходом похож я стал. Просто вылитый, – вибрирующим голосом ответил Вадим.

– Вот-вот! Именно! Только он тебе в деда годился. Он войну, в отличие от тебя, прошел. Да и после нее много дел полезных сделал. А ты все в огонь, воду и медные трубы угодить норовишь.

– Я завтра исправлюсь. К Богу обращусь.

– Ты-то обратишься? Если его лик на этикетке водочной пропечатают, то вообще богоборцем станешь.

– Нет. В монастырь уйду. В женский, тетя Клава. Буду в кельях высокодуховных детишек строгать. Будут являться свету с Библиями в руках. И не станут орать, как все новорожденные. А сразу нести проповедями своими в мир – доброе, светлое и вечное будут. Аминь, тетя Клава. И да будет в мире этом...

– Тьфу! Пошляк, богохульник!.. Слушай, Вадик. Погоди... Постой. Ну, ты же не такой, а?.. Я вот к тебе давно с просьбой хочу обратиться. Фото свое ни разу в газете не видела. За всю жизнь ни разу. Трудно тебе, а? Все равно ведь больше отдыхаешь, чем работаешь. А фото в газете... Знаешь, как приятно перед подругами похвастаться? Вот, мол, труженица. Ну?.. Ну, там, заметку приятную можешь ведь накропать? – с улыбкой произнесла женщина.

– Ну, можно вообще-то. Я подумаю, тетя Клава. Вернее, придумаю что-нибудь.

Подмигнув дворничихе, Вадик резвым шагом направился к дверям магазина.

Под потолком душного гастронома лениво барражировали мухи. В мясном отделе булькал засаленный радиоприемник с кривой антенной. Вид заветренной говядины вызвал у Вадика спазм. Батоны вареной колбасы напоминали отрубленные конечности. С отворачиванием поморщившись, он направился к вино-водочному. Вадика не нравилось, что отдел назывался именно вино-водочным. Казалось, покупателя провоцируют на убийственный коктейль из шамурлы и «Столичной». Полки радовали этикеточным многоцветьем. Вадим вспомнил дядю-алкоголика. Его убило похмелье. Он, как раненый боец, дополз до магазина, а ему сказали, что водку еще не завезли. Так на ступенях филиала храма Бахуса и отдал Богу душу.

Аккуратно уложив бутылку на дно пластиковой корзины, Вадик подошел к кассе. За аппаратом сидела Люда. Грудь девушки объемами напоминала пародийную. Табличка с именем не висела, а лежала на вздымающемся от дыхания бюсте. Запястья вырисовывали складочки трехлетней девочки-пышки. Вадим недолюбливал Людмилу. Она криво улыбалась, хрюкала во время смеха, потешалась над своими шутками и напевала под нос песни Ротару.

– Вадик, а зачем тебе сухие супы? Ты в водке сухие супы варишь, да?

– Я ими оливье заправляю.

– И не надоело тебе глазенки заливать?

– Ты еще скажи: на кого, мол, ты, Вадик, стал похож?

– А че говорить-то? На забулдыгу ты и похож. Интересный, умный вроде, а похож на алкаша.

– А ты выходи за меня замуж. Я пить брошу. Образую семейное гнездо, в которое ты каждый вечер будешь приземляться сизым вертолетом. Потом детишек нашинкуем. А они будут дарить нам мир. И будет в них щ-щ-астье!

– Два щ-щ-астья с тобой будет! Да и нашинкуешь с тобой разве что соломки морковной. У нас, наверное, просроченные бананы тверже твоей машинки шинковальной... – На этих словах Люда, прихрюкнув, залилась смехом.

– Знаешь, Людок... Тебя погубит пошлый юмор подворотен, запах из рыбного отдела и отсутствие стремления к карьерному росту. Иди в ПТУ и помни! Помни, что учиться никогда не поздно.

– Тоже мне идиотик ученый. Я, между прочим, колледж окончила.

– Оно и видно. А колледж, то есть бывшее ПТУ, окончил тебя как женщину.

В спину коротко стрельнуло слово «урод». Вадик быстро вышел на улицу. Откупорив бутылку, сделал пару глотков. Солнце уже не резало глаза. Не копошилось в них своими ост-

рыми лучиками, а ласково светило. Листья не были пыльными и блеклыми. Пение птиц не нервировало... На скамейке у подъезда сидела тетя Клава. Руки женщины были распластаны по недавно выкрашенной спинке. Голова покоилась на левом плече. Тетя Клава дремала. Милая улыбка, чуть подрагивающие веки, дряблые щеки. С минуту посмотрев на соседку, Вадик вбежал в подъезд. Вернулся с фотоаппаратом. На детской площадке сублильный юноша угощал пивом свою первую любовь. Вадик подбежал к мальчишке:

– Юниор, срочно нужна помощь.

– Мелочи нет, – прогундосил мальчик.

– Зато синяк может появиться. Тоже мелочь, но неприятная. Пошли. Будем снимать высокохудожественное фото.

– Мама говорит, что я жутко не фотогеничен.

– Зато языкаст. Значит, смотри. Тихонько так подойди к скамейке, как можно ближе к этой мирно спящей труженице. Густо намажь на лицо всю трагедию вашего утеряннного для жизни поколения. Голову ручонками обхвати. Вот так. – Вадик показал, как нужно обхватывать голову свидетелям трагедии.

– И что взамен?

– Взамен? Слава взамен, известность! Увидишь свою худошавую мордашку в газете. Купишь экземпляров десять. Девушке один подаришь. Остальные – родне, хулиганью местному покажешь, чтобы не били. Давай, давай, юниор, торопись. Следующий раз тебя, если и пропечатают, так либо в боевом листке, либо в криминальной хронике. А это уже не слава, это суррогат.

Юноша достаточно правдоподобно хватался за голову, корчил рожи. Вадик ловил удачные ракурсы... Забежав в квартиру, вспомнил о купленной бутылке. Настроение, поднявшееся благодаря творческой удаче, стало еще более приятным. Конечно же, Вадим вспомнил и о совести. Но денег у него практически не оставалось. Материала для статьи не было.

Опорожнив добрых полстакана, Вадим набрал номер Александра Сергеевича. Первым начал говорить главред:

– Вадик, ты мне что обещал? Ты мне обещал материал: «бомбу» о «черных копателях» с каких-то плодоносящих трофеями болот. С фотографиями обещал. С интервью главного «черного копателя». И с интригой, которую можно растянуть на три номера. И где этот материал?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.